

А.Д.Васильев
(Красноярск)

ТЕКСТЫ РОССИЙСКОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ: К ВОПРОСУ О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ МИФОЛОГИЗАЦИИ

*Телевидение за последние
годы превратилось в одно из
самых эффективных средств
управления страной.*

"Новости" ОРГ. 7.02.98

Постулат о неразрывной связи языка и культуры (соответственно - о возможности их взаимопознания) обретает все новые подтверждения. Рассматривая языковые феномены, можно диагностировать состояние духовного здоровья этносоциума и в какой-то мере даже прогнозировать его эволюцию - при условии адекватной оценки, в первую очередь, фактов лексики, последовательной регистрации их употребления и установления направленности динамики, а также определения ключевых слов (последнее не зависит всецело от их частеречной принадлежности).

Зачастую построение языковой картины мира (или ее корректировка) происходит с помощью интенсивного использования тех единиц, которые, формируя фон, одновременно являются (или становятся со временем) ключевыми, и употребление их с нарастающей частотностью заметно меняет мировосприятие и мировоззрение носителей языка. Чрезвычайно интересны в этом аспекте факты речи электронных средств массовой информации, однако здесь нелегко бывает регистрировать начальный момент, побудительный импульс и авто-

ров тех или иных новаций. Обычно впечатление таково, что нововведения появляются самопроизвольно, хотя в действительности следует предполагать почти в ранней степени и воплощение в них назревших потребностей социума, и целенаправленные манипуляции с лексическими единицами.

Проблемы, связанные с вербальным воздействием на индивидуальное и общественное сознание, могут изучаться на материале мифов и легенд, табу и эвфемизмов, религиозных проповедей и колдовских заклинаний, политической пропаганды и коммерческой рекламы и т.д., выступающих в качестве разнообразных воплощений вербальной магии. Непреходящая актуальность их исследования определяется местом и ролью Слова в истории человека и человечества.

Словом порождается миф - мифологизация сознания моделирует поведение людей, деятельность которых меняет окружающий мир. Глубинная, опосредованная связь между словом и действительностью несомненна. Неслучайной считают этимологию слав. *věkъ (чеш. věc, рус. - цслав. вещь) как и. - е. *uektos \ *uktos "сказанное, изреченное", а таким образом "вещь" - это "то, что можно назвать" [1]. Роль слова в творении мира, присутствующих в нем реалий формируется во многих речениях разных жанров: "В начале было Слово"; "Слово горами движет": "Язык царствами ворочает" и т.п.

Миф вовсе не обязательно воспринимается его современниками как миф и далеко не всегда соответствующим образом квалифицируется специалистами, в глазах которых мифологизированной оказывается обычно предшествующая эпоха.

При сохранении определенной преемственности в конструировании мифов способы их трансляции могут качественно меняться (ср. возникновение и расширение возможностей хранения и передачи информации с появлением письменности, книгопечатания, звукозаписи, радио и телевидения, компьютеров и проч.), хотя они по-прежнему основаны на вербальном общении. Одним из наиболее ярких примеров этого является телевидение.

Собственно, само устойчивое словосочетание "электронные средства массовой информации", при всей его распространенности, вряд ли можно считать семантически вполне адекватным, особенно в последней его части, поскольку функция упомянутых средств вовсе не сводится только к передаче информации - "сообщения о положении дел где-л., о каких-л. событиях и т.д." или "сведений об окружающем мире и протекающих в нем процессах" (МАС). Не менее дискуссионно также частотное словосочетание "средства массовой коммуникации", так как коммуникация, осуществляемая ими, несмотря на различные "прямые линии", "ток-шоу" и т.п., оказывается весьма односторонне направленной. Поэтому сочетание "электронные средства массовой информации" (ЭСМИ) используем в дальнейшем лишь в силу существующей традиции.

Телевидение как одно из ЭСМИ своей действенностью обязано не только тому впечатлению, которое производит на психику человека демонстрируемый на экране видеоряд, но и его слиянию с передаваемым вербальным текстом. Телевизионный текст с трудом поддается фиксации без специальных технических устройств; он эфемерен и почти неуловим, его недолговечность, характер-

ная черта произведения устной словесности, не позволяет в момент восприятия тщательно осмыслить его, в отличие, например, от текста газетного. Впрочем, многие слова и словосочетания не всегда могут быть понятны широкому кругу носителей языка даже при внимательном чтении: например, *монетаризм, макроэкономика, секвестр, реструктуризация, мониторинг, электорат* и мн. др.

Важность изучения текстов телевидения обуславливается не одним лишь тем, что их элементы - это и элементы общенародной речи, которые, войдя в широкий коммуникационный оборот, становятся узуальными и зачастую обретают статус фактов языка (причем неизбежны и изменения фрагментов картины мира); поэтому необходимы их лексикологическое изучение и лексикографическая регистрация [2]. Следует учитывать также, что телевидение сегодня оказывается наиболее популярным среди прочих СМИ, и пропагандируемые им ценностные установки распространяются с максимальной скоростью, чему способствует суггестивный эффект телепередач, хорошо освоенный, например, творцами и коммерческой, и политической рекламы ("имиджмейкерами").

Заметим, между прочим, что и содержание коммерческой рекламы, и формы ее подачи, конечно, значительно изменились по сравнению с советским периодом. Информативно не насыщенные призывы типа *"Летайте самолетами Аэрофлота!"* или *"Храните деньги в сберегательной кассе!"*, зачастую лишь подчеркивающие отсутствие у потребителя возможности выбирать товары и услуги, сменились семантически столь же примитивными текстами, сопровождаемыми зрелищно ярким и техниче-

ски совершенным видеорядом. Однако используются и новые приемы. Весной 1997 г. в передачах ОРТ (причем вне рамок т.н. "рекламной паузы") неоднократно в течение дня появлялась сентенция *"Свободу можно купить"*; только некоторое время спустя, по мере того как эта фраза стала обрастать дополнительной информацией, выяснилось, что рекламируется парфюмерно-косметическая продукция фирмы "Свобода". Нечто подобное можно было наблюдать на том же телеканале поздней осенью того же года, когда без всякой видимой связи с содержанием предыдущих или последующих передач на экране возникали вопросы: *"Где жена ? ", "Как с деньгами?", "Чем все это кончится?"*. Оказалось, что этими же вопросами украсился и московский общественный транспорт. На запрос одного из депутатов в столичную мэрию ему (а заодно - и телезрителям) ответили, что таким образом проводит свою рекламную кампанию некий еженедельник; квалифицированных оценок степени и характера воздействия на психику этой рекламы власти ожидают от Института судебной психиатрии (РТР. "Парламентский час". 23.11.1997). Трудно сказать, прогнозируется ли создателями и распространителями подобных текстов их возможный эффект - не коммерческий, а социопсихологический: ведь для многих зрителей так и осталось неизвестным, что упомянутые надписи - лишь фрагменты рекламных кампаний.

Такие операции могут иметь различные определения: агитация, промывание мозгов, психологическая война, информационная агрессия и др. Одно из наиболее удачных "языковое насилие" [3] - отражает суть и методы этих манипуляций.

Поле их воздействия является то, что сегодня именуют "информационным пространством" (это сочетание частотно в ЭСМИ, наряду с подобным: "экономическое пространство"; "политическое пространство", "культурное пространство", "образовательное пространство", "научное пространство", "постсоветское пространство" и т.п., чем-то напоминающими известные Lebensraum и Ostraua, но ассоциативно слабо связанными с представлением о едином и самостоятельном государстве).

Текст - одновременно и событие (что подчеркивает его вещную природу и связь с миром), и сообщение. Однако в высказываниях многих телеперсонажей зачастую отсутствует смысловая точность - непременно условие оптимально построенного текста. Приведем только некоторые примеры:

"Курс доллара будет расти, но существенно медленнее, чем инфляция, которая тоже будет снижаться" (Е. Гайдар. "Вести". РТР. 30.11.1993). *"О предоставлении автономии всем так называемым оккупированным районам"* (синхронный закадровый перевод выступления министра иностранных дел Израиля Ш. Переса из передачи WTN - Останкино, 3.9.1993: сочетание так называемый не является однозначным: его семантизируют и как 'именуемый, носящий название', и как 'мнимый' [4] - контекст высказывания, однако, должен склонить к выводу, что в действительности упомянутые районы вовсе не являются оккупированными Израилем). *"Обзор израильской прессы адаптирован для зрителей в метрополиси"* (А. Егоршев. "Пресс-экспресс". Останкино. 1.10.94 - известно, что метрополией именуют государство, владеющее колониями,

по отношению к ним; получается, таким образом, что совершенно суверенное государство Израиль - колония Российской Федерации, а это вряд ли соответствует существующему положению дел). Довольно трудно сразу осмыслить и содержание высказываний с нанизыванием отглагольных существительных в форме родительного падежа: *"замедление снижения темпов добычи нефти"* (министр топлива и энергетики РФ Ю. Шафраник. "Время". ОРТ. 21.02.1996); *"стабилизация [топливо-энергетического комплекса], по словам Шафраника, проходит в нижней точке кризисного падения при ухудшении финансового положения"* ("Время". ОРТ. 24.07.1996); ср.: "1997 год - год остановки падения российской экономики" (А. Чубайс. "Что случилось?" "Афонтово" - 22". 23.09.97)). Ранее часто использовавшееся слово гуманитарный (гуманитарная помощь [5] и проч.) подразумевает некое противопоставление, которое обнажается, например, в следующем высказывании: *"Одна из задач британо-французского контингента в Боснии - пробить коридор для поставки [мусульманам] гуманитарных и иных грузов"* (Новости. Останкино. 24.07.95 - в это время на территории Боснии происходили ожесточенные военные действия). Многочисленные сообщения о юбилеях предприятий и ведомств зачастую содержат прилагательное российский. вряд ли вполне уместное в большинстве случаев: *"Здесь [на Челябинском тракторном заводе] 65 лет назад сошел с конвейера первый российский трактор"* ("Время". ОРТ. 23.02.96; объективности ради надо заметить, что речь все же должна идти, скорее, о первом советском тракторе). Любопытны трактовок нефилологами ин-

тенций их собственных высказываний, например: *"Ситуация контролируется... То есть анализируются, сопоставляются данные, информация... Вот в каком смысле..."* (командующий группой федеральных войск в Чечне - по поводу захвата чеченскими боевиками заложников в Кизляре. "Время", ОРТ. 9.1.95; ср. употребление той же кальки в комментарии к сообщению о происшествии в Котласе, где падение балкона в спортивном зале стало причиной многих человеческих жертв: *"Группы спасателей работали слаженно. Ситуация находится под контролем"*. "Вести". РТР. 20.12. 1997).

Несомненно, что каждое из приведенных высказываний (еще раз подчеркнем, что в рамках статьи даны только единичные примеры) и само по себе, и - особенно - в потоке аналогичных речевых актов не способствует ясному, четкому и недвусмысленному восприятию сообщений. Кроме того, надо принять во внимание и аномально высокую частотность сочетания *как бы* в российских телепередачах последнего времени.

Его лексико-грамматическую характеристику трудно считать строго и окончательно определенной; вероятно, она осложняется многообразием функциональных ролей, которые призвано играть это сочетание в современном узусе, и семантической диффузностью (отчасти - и неполнозначностью), в какой-то степени объясняющей и обеспечивающей его широкое употребление речедателями разных возрастов, социальных статусов, культурно-образовательных уровней и профессиональной принадлежности. Оговоримся, что хотя сочетание *как бы* весьма частотно и в повседневной речи многих сограждан, приводим далее - в соответствии с

темой статьи - только немногочисленные цитаты из телевизионных передач.

Корреспондент сообщает, что *"...в Южно-Сахалинске открыто отделение японского консульства. Таким образом, Япония как бы де-факто признала российский суверенитет над Сахалином"* (следует комментарий: *"Этот жест вписывается в новую добрую традицию"*. «Новости». ОРТ. 3.12.96 - хотя из-за как бы трудно судить, состоялось ли упомянутое признание). Можно лишь догадываться, сборную какой именно страны имел в виду Г. Каспаров, произнесший: *"Это как бы российская команда..."* ("Вести". РТР. 8.10.96). Во время теледебатов один из их участников заявляет. *"Я как бы присутствовал при механизме его назначения мэром"* (Афонтово. 1.12.96). Другой политик считает, что *"закон [о налогах] не должен как бы ущемлять права регионов"* (В. Яковлев, "Парламентский вестник". РТР. 27.07.97.) - какова в этом случае истинная позиция мэра Санкт-Петербурга? Кандидат в депутаты уверяет избирателей: *"Мы как бы (подчеркнуто интонацией. - А.В.) демонстрируем не только намерения, но и конкретные дела"* ("Выборы - 95". Останкино. 17.11.95).

Конечно, встречаются случаи, когда комический эффект высказывания с *как бы* уместен - в передачах развлекательного жанра, хотя и тогда он явно не прогнозируется говорящим: *"Можно взять на конюшне как бы лошадь, инструктора - и кататься"* (М. Леонидов. "Блеф-клуб". СПб. - 5 канал. 22.02.96). Певица А. Свиридова на вопрос ведущего: *"Все звезды берут сексуальность, а вы?"* - отвечает: *"Я тоже как бы женщина"* ("Музобоз". ОРТ. 5.10.96; в той же

передаче у другого певца спрашивают: *"Что для вас, ну, как бы для вас, представляет секс ?"*). Могут быть понятны колебания участника т.н. ток-шоу: *"Я в маске, потому что я транссексуал..., как бы женщина, но операцию мне еще не сделали"* ("Человек в маске". НТВ. 16.11.96), но в большинстве случаев такая зыбкость и неуверенность суждений оказывается очень многозначительной, приоткрывая, возможно, подлинные интенции говорящего: *"О степени вреда рекламы [табачной и алкогольной продукции] на телевидении можно будет судить, когда подрастут первые как бы независимые компании"* (Э. Сагалаев, глава ТВ-6. РТР. 26.5.95). *"Как бы вообще проблема отбирать у людей небогатых как бы их последние сбережения - проблема серьезная"* (банкир А. Лебедев. "Момент истины". РТР. 24.9.96). *"Я буду с вами в этом смысле совершенно как бы откровенен"* (заместитель секретаря Совета Безопасности Б. Березовский - в ответе на вопрос об убийстве В. Листьева. "Итоги". НТВ. 19.11.96). Ср. ответ несовершеннолетнего карманника на вопрос журналистки: *"Почему воруюшь?"* *"Потому, что без денег невозможно как бы жить"* ("Русские вечера". КГТРК. 15.09.97). Сочетание *как бы* используется и чуть ли не жеманно-кокетливо (*"Тригория Распутина обвиняли как бы в разврате"* - О. Шифер, экскурсовод музея восковых фигур. СПб. - ИнформТВ. 14.07.96), и совершенно неряшливо (*"Я как бы был студентом МГУ"*. АТВ ОРТ. 31.05.96"; *"Это работы студентов или как бы студентов разных курсов, где как бы разные стили"*. "Утренний экспресс". РТР. 19.07.96).

Расплывчатая семантика сочетания *как бы*, обычно придающего

сообщению некую условность, моделирует и предположительность, незавершенность ("недоговоренность") высказывания, позволяет говорящему снять с себя ответственность за его содержание [6]. Можно заметить, что во многих случаях сочетание *как бы* используется также и для связи слов в предложении, точнее говоря - для заполнения семантических пустот (или, напротив, псевдолакун), для маскировки паузы при обдумывании ответа на заданный вопрос; сочетание *как бы*, зачастую употребляемое вследствие невысокой культуры устной речи адресанта - и, вероятно, его мышления, может выступать и как своеобразная риторическая фигура: когда адресант намекает (или имитирует намек) на какие-то хорошо известные и ему, и адресату обстоятельства. Впрочем, безусловное разграничение указанных феноменов далеко не всегда возможно, но бесспорно то, что и преднамеренное, и спонтанное избыточное применение сочетания *как бы* явно снижает эффективность коммуникативных актов; более того: тиражируясь и повсеместно распространяясь телевидением, оно исподволь оказывает в высшей степени негативное воздействие на общественное сознание. Картина мира в восприятии носителей языка утрачивает четкие очертания, становятся выбками этические основы, распыляются рубрики шкалы духовных ценностей. Традиционные этносоциокультурные нормы сменяются эмпирически необязательными.

Таким образом, аномально высокая частотность сочетания *как бы* является одной из составляющих российского "постновояза" переходного периода.

С точки зрения социальной экологии, деградация жизненной среды

человека - существа морального - порождает у него неуверенность в себе и обществе, в котором он живет; это способствует и деградации личности, и возникновению многих нежелательных явлений. Сомнения в прочности межличностных связей, туманность перспектив этносоциума в период интенсивного политического и экономического реформирования, относительный характер моральных норм - все это также выражается в злоупотреблении сочетанием *как бы*, в свою очередь, подчеркивающим вышеперечисленные феномены. Небезынтересно, что в устной речи последнего времени необычно повысилась частотность наречия *достаточно*, выступающего, видимо, в качестве компенсатора ущербности бытия.

С.Н. Булгаков считал сложноокрашенные слова, образование которых в русском языке резко активизировалось с 1917 г., "словами-вампирами, сосущими кровь языка" [8]. А.Ф. Лосев причислял к элементам новой, утверждавшейся мифологии политико-публицистические штампы, вроде "гады контрреволюции", "гидра буржуазии", "финансовые акулы" и т.п. [9]. В сегодняшней научной литературе нередко подобные характеристики некоторых слов и фразеологизмов, типичных для недавнего прошлого, ср.: "языковые монстры" [10], "слова-призраки", "идеологические фантомы" [И], "slowa - upiory" [12], (это прямо повторяет формулировку С.Н. Булгакова - правда, без ссылки на него).

Хотя "слова языка ничьи..., в каждую эпоху во всех областях жизни и деятельности есть определенные традиции, выраженные и сохраняющиеся в словесном облачении... Всегда (подчеркнуто нами. - А.В.) есть

какие-то словесно выраженные ведущие идеи "властителей дум" данной эпохи, какие-то основные задачи, лозунги и т.п." [13]. Поэтому полемика агрессивность многих судебных насчет зловердного "новояза" советской эпохи - при определенной их справедливости - зачастую окрашена субъективизмом. Можно понять эмоции лингвистов, которые по тем или иным причинам, явно или открыто (применительно к обстоятельствам) критиковали - в то или иное время - словесные символы, доминировавшие в идеологии и культуре еще сравнительно недавно. Однако хронологически близкие нам примеры свидетельствуют о необходимости более взвешенного и продуманного подхода к их анализу - с учетом исторической преемственности явлений языка, социальной психологии и механизмов воздействия на общественное сознание, нацеленных на внедрение неких стереотипов.

Прогнозы относительно развития русского языка, которые давались в первые годы "перестройки", были весьма оптимистичными, по крайней мере, в части, касавшейся средств массовой информации. Первые симптомы перемен в их текстах расценивались как отход "от замысловатого риторического многословия, в котором новомодное "плетение словес" скрывало недостатки, создавало видимость полного благополучия"; "бюрократы и догматики... не могут жить... без темного языка, замысловатого и трескучего, составленного из клише и слов-паразитов, способного манипулировать мыслями и понятиями"; "идет творение новой фразеологии, преодолевающей формализм и открывающей возможности прямого, демократического, откровенного обсуждения сложившегося положе-

ния, реальных дел и задач: *убрать завалы, прибавить в работе, оздоровить общество*; простые и честные, прямые выражения... несут в себе заряд правды, момент истины" [14]. В цитируемой статье приводится "меткое замечание" ведущего официального идеолога тех лет А.Н. Яковлева, произнесенное им на совещании ученых-обществоведов, которым были рекомендованы образцы для подражания: "С какой тщательностью [Маркс, Энгельс, Ленин] искали точное выражение своей мысли!"

По истечении некоторого времени стало ясно, что реальные плоды "нового мышления" оказались все-таки несколько иными, чем ожидалось многими, всецело доверявшими перестроечным формулам-заклинаниям. Появляются совсем другие оценки языковых и культурных процессов: "Мы живем в годы сотворения новых поразительных мифов о нашей прошлой и настоящей жизни. Идет целенаправленная подмена понятий, всеобщее сокрытие правды от людей... Целенаправленно создается чуждая для нас языковая среда, наш народ лишается корней, в него внедряется комплекс национально-государственной неполноценности, разрушается нравственно-психологическое здоровье нации" [15].

В российском постновоязе, если судить о нем объективно и оценивать его беспристрастно, нет ничего удивительного; само появление его, конечно же, вовсе нельзя считать неожиданным: это словесный инструментарий, специально используемый для внедрения в массовое сознание новых идеологических ориентиров, морально-этических норм. Постновояз - одновременно и импульс, и катализатор этносоциокультурных эволюций и трансформаций. Заметная роль

принадлежит при этом новым лексическим мифогенам (*цивилизированное государство, мировое сообщество, равноправное партнерство, примирение и согласие, стабилизация экономики и т.п.*) [16].

Нет сомнения, что феномен мифологизации, присутствующий в деятельности ЭСМИ, вовсе не канул в прошлое, а по-прежнему активен. В этом отношении показательны и приведенные нами примеры того, как именованья реалий, сопровождаемые сочетанием *как бы*, делают саму реальность в глазах носителей языка чуть ли не иллюзорной, "виртуальной".

В заключение стоит напомнить о некоторых положениях федеральной программы "Русский язык" [17], среди основных целей которой - "духовное возрождение и обновление России, формирование государственной политики в области русского языка, развитие и поддержка русского языка как национального языка русского народа и государственного языка Российской Федерации, разработка комплексных мер, направленных на пропаганду русского языка и культуры в средствах массовой информации".

Оценивая некоторые процессы современной языковой ситуации как негативно сказывающиеся на состоянии русского языка, программа отмечает: "отстала нормализаторская работа; создание и распространение норм русского литературного языка не вполне отвечает потребностям современного общества,... отсутствует налаженная система пропаганды русского языка (в том числе - в средствах массовой информации)". По-видимому, подводить какие-то итоги выполнения этой программы (хотя бы предварительные) пока еще явно преждевременно. Более того: в по-

следнем по счету проекте концепции реформы образования России, при констатации того отрадного факта, что преподавание в российских учебных заведениях ведется на 38 языках [18], нет ни единого упоминания ни о программе "Русский язык", ни о русском языке вообще, что вряд ли нуждается в пространных комментариях.

1. Трубачев ОН. Этимология и славянская пракультура //Всесоюзная конференция "Методология и методика историко-словарных исследований, историческое изучение славянских языков, славянской письменности и культуры": Тезисы докладов. Л., 1988. С.Ю.
2. Корованенко Т.А. Источники Нового академического словаря //Очередные задачи русской академической лексикографии. СПб., 1995. С.41-43.
3. Сковородников А.П. Языковое насилие в современной российской прессе // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып.2. Красноярск-Ачинск, 1997. С. 10.
4. Рогожникова Р.П. Словарь эквивалентов слова. М., 1991.
5. Небезынтересно, что в разговорном просторечии возникло слово *гуманитарна* (например, в речи жителей Сахалина - "Взгляд". ОРТ. 6.02.98).
6. Ср. эпизод литературного произведения, главный герой которого склоняет своих кредиторов к выгодной для него сделке с помощью газетной заметки о таежном пожаре, который "как будто" уничтожил все предприятия этого персонажа и фирме его "как будто" угрожает крах. - Шишков В.Я. Уг-

- рюм-река. Кн. II. М., 1972. С. 184-185, 211-212.
7. Маркович Дж. Социальная экология. М., 1991. С. 91-92, 125, 128.
  8. Булгаков С.Н. Философия имени. Paris, 1953. С. 32.
  9. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 97.
  10. Сидоров СИ. Русский язык в информационном обществе // Язык и культура. 2-я международная конференция. Тезисы. 4.1. Киев, 1993. С. 132.
  11. Норман Б.Ю. Лексические фантомы с точки зрения лингвистики и культурологии // Язык и культура. 3-я международная конференция. Доклады. Киев, 1994. С. 55-56.
  12. Jadacki J.J. Slowa - upiory : o potrzebie dezideologizacji wydawnictw slowrfykowych // Vocabulum et vocabularium. Вып. 1. Харьков, 1994. С. 128.
  13. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 282-283.
  14. Костомаров В.Г. Перестройка и русский язык // Русская речь. 1987. №6. С. 3-11.
  15. Огнев А.В. За чистоту и богатство русского литературного языка // Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения академика Виктора Владимировича Виноградова: Тезисы докладов. М., 1995. С. 199-200. См. также квалификацию словосочетаний типа *судьбоносные решения, человеческий фактор, прорабы перестройки, архитекторы реформ* как "весьма посредственных штампов", могущих быть использованными в качестве "негативного материала" при составлении нового академического словаря. - Корованенко Т.А. Указ. соч. С. 42.
  16. См. некоторые наши публикации: Динамика русской лексики как фактор социо- и этнокультурных эволюции // Русский вопрос: история и современность: Материалы докладов 2-й Всероссийской научной конференции. Ч. 2. Омск, 1994; О мифотворчестве средствами массовой информации // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы. СПб., 1995. С. 49; "Постновояз"* - лингвокультурологический феномен переходного периода // Теоретические и прикладные аспекты риторики, стилистики и культуры речи: Материалы конференции. Екатеринбург, 1995. С. 14-15; Фрагменты российской языковой ситуации и некоторые социолингвистические проблемы // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира: Материалы международной конференции. М., 1996. С. 116-118.
  17. Цит. по: Федеральная целевая программа "Русский язык" (утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 23 июля 1996 г. № 881) // Российский газ. 1996. 8 авг. С. 5.
  18. Концепция очередного этапа формирования системы образования. М. 1997, дек. С. 13.